

Игорь Павлов

**ОСКОЛКИ
ЗЕРКАЛА**

Игорь Павлов

Осколки зеркала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40488492

ISBN 9785449622952

Аннотация

Деревенский ревнивец, молодой поэт, влюбленный школьник, офицер Красной армии в 1945 году и... разведчик Института исследований временных аномалий из далёкого будущего. Что может связывать всех этих, таких разных, людей? Но связь есть. Как у зеркала, что разбилось на осколки. И складывая осколок к осколку, остаётся правильно расставить всё по местам. Тогда всем станет ясно, что риск был не напрасен.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ДЕРЕВЕНСКИЙ ДОН КИХОТ	6
ПОДАРОК	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Осколки зеркала

Игорь Павлов

Редактор и корректор Илья Таучелов

© Игорь Павлов, 2019

ISBN 978-5-4496-2295-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Рыжий кот осторожно тронул лапкой золотую спинку солнечного луча и довольно чихнул. Он впервые прикасался к солнцу. Там, в его мире разноцветных картинок и галотражателей, даже приблизительно нельзя было представить это расслабляющее каждую клеточку тела счастье. Холод и опасность мёртвых пространств ватным одеялом окутывали жилые зоны и проникали даже во сны...

«А быть котом совсем не так плохо, – подумал рыжий, облизав усы, – Подумаешь, хвост. Зато, какие когти!» Он громко муркнул, перекатился на спину, выпустил из мягких подушечек острые крючочки и зажмурился от живого тепла.

Солнце!

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДОН КИХОТ

Осколок первый

1976

Петухи тоже были рады пробуждению солнца. Они орали так упоённо, что воробьи стайками слетали с окрестных то-полей, возмущённо чирикавая.

Деревня, нехотя, но привычно, просыпалась, помня, что лето зиму кормит, и как посеешь, так и пожнёшь. Суеверные старухи, крестясь, ковыляли в сторону церкви, тихо перешёптываясь о «наближающемся конце света», предсказанном святым старцем Никодимом из Афона в следующем 2000-ом году. Женщины помоложе выгоняли на выпас коров или спешили по своим невпроворотным делам, которых всё равно было не переделать.

Возле одного из живописных домов (живописность ему придавала искусная резьба оконных наличников и буйно разросшийся цветник), сидели рядком на лавочке две старухи. Они так давно и долго знали друг друга, что разговаривать им, в сущности, было не о чем. Гораздо приятнее было молчать, прислушиваться к мычанию стада, щебету птиц и тихому шагу времени, похожему на пересыпающийся песок в солнечных часах.

Одна была худая, даже высохшая, неразговорчивая, с всегда поджатыми губами и недоверчивым взглядом. Вторая – весёлая, маленькая, круглая как колобок, болтушка и сплетница. Своей дружбой они парадоксально подтверждали популярную теорию о совместимости несовместимостей или, проще говоря, о сходстве противоположностей. Так неразрывно дружить дано только очень разным людям, хотя сами старухи, наверное, о том и не догадывались.

– О-о-х... как болит проклятущее... – маленькая виновато потёрла ладонью колено, – Всю ночь крутило. И так сна уж нет никакого, так ещё и на тебе бабка, радуйся! А слышь, чё скажу тебе, Михална, – она неожиданно оживилась от пришедшей ей на ум мысли, – Гришка то, Воронцов, опять вчера орал как самашедший!

– Чего?

Только очень проницательный человек смог бы разобраться интерес в безразличном вопросе Высокой.

– Чего, чего... приревновал Галку снова. Вроде с грузчиком насыть якшается, Славкой.

– Брехня! – высокая негодующе мотнула головой и презрительно сощурилась.

– А я чё говорю! Я чё говорю! Какая любовь, если семеро по лавкам! Да и Славка энтот алкаш. Разве нормальная баба на такого глянет? Галке, чё, в магазине заняться што ли нечем? Продавщица – не уборщица! – высокая согласно закивала в ответ, – Не глянет! А только Гришка ёй-

ный – от этой ревности как ихний бык Никанор стал! На каждый куст рога наставляет... Мужики – они чё..., как дети. Чё в голову втемяшит, от того и бесится. А я вот, Михална, думаю...

Звук ружейного выстрела, как удачно вбитый с одного удара в доску гвоздь, заставил их подпрыгнуть на месте и оцепенеть. Там, в той стороне, откуда он прогремел, волной накатило истошный женский крик, залитый, как асфальтом, гневным мужским матом. Затем грохнуло опять.

– Чё это, бабонька? – Отмерла маленькая, – Никак со стороны магазина, а?

– Пойдём!

Высокая, сильно налегая на палку, с почти невероятной для её возраста скоростью, заковыляла в сторону сельпо. Толстенькая коротышка, затрусилась следом, слезливо причитая:

– Куда пойдём? Куда? А може там террористы какие? А мы на наглуую смерть торопимся?

Но Михална её не слушала. Она шла и шла. И только её палка, протыкая землю, оставляла за собой круглые ямочки, напоминающие следы гигантского муравья.

Сравнение с муравьиными следами было более чем уместно, так как небольшой пяточок возле магазина и был в данный момент настоящим людским муравейником. Озабоченно и боязливо галдя, никак не менее половины села (преимущественно женщины), сновали на почтительном расстоянии

от зарешёченных окон и обитой цинком массивной двери деревенского магазина. Внутри что-то происходило, гремело, источало опасность. Наиболее любопытные выдумывали всякие небылицы, клятвенно заверяя, что они «всё слышали своими ушами».

Высокая с Маленькой пришли как раз вовремя. Ситуация почти прояснилась, и уже точно, отбросив ненужную шелуху домыслов, передавалась от жителя к жителю. Самая большая группка толпилась вокруг высокого остролицего старика с мохнатыми бровями и неприятным шрамом, разделившим правую щеку почти надвое.

– Семёныч, чё случилось? – робко тронула его за рукав Маленькая, – Война что ли? Или чё?

– Ага, ... война, – шрам побагровел от прилившей к нему крови, – местного значения.

– Ой, баб Вера! – выплеснуло из толпы круглощёкую молодку с испуганно любопытным взглядом, – Сосед наш, похоже, с последних катушек слетел! Запёрся в магазине с Галкой и кричит, что всех гадов, кто на сто метров приблизится, расстреливать будет! Участковый в район уж звонил. Какое-то построение ждут!

– Подкрепление, дура! – хмыкнул какой-то мужик, презрительно сплюнув, – Построение... вот уж эти бабы!

– Не удержал, значит. Выпустил... – неожиданно чётко произнесла Высокая.

– Кого выпустил, Михална? – подружка-колобок почти

с испугом перекрестилась.

– Беса, – так же чётко припечатала Высокая. И, как аккомпанемент страшному слову, со стороны сельпо опять грянул выстрел.

Всех шарахнуло назад. Резко заплакали дети и заголосили бабы. Забибикал подкативший «уазик» с милицейскими полосами на дверцах. Неуклюже развернувшись, он фыркнул, лязгнув железом, выдавив из своего нутра двух лейтенантов, старшего и младшего, к которым немедленно подбежал тутошний участковый Серёжа Одинцов, бывший прапорщик ПВО, а теперь представитель местной власти.

– Докладывай Одинцов! – нетерпеливо и с досадой командовал «старлей», – Перебулгачили весь район. Не было печали, называется!

Обстановка такая, товарищ старший лейтенант... – обстоятельно подошёл к делу участковый, но приехавшее начальство снова досадливо махнуло рукой:

– Давай без официоза, быстрее будет!

– В общем так, Пётр Семёнович, – по простому начал Одинцов, но снова сбился на казённый язык, – местный егерь или лесник, Григорий Воронцов, приревновав свою жену, продавца сельского магазина Галину Воронцову к грузчику данного магазина Вячеславу Прохорову, убил последнего, а жену и жительницу нашего же села Елизавету Скольникову и её одиннадцатилетнюю дочь Наташу взял в заложники. Мною установлено...

– Одинцов! – желваки на скулах «старлея» перекатывались как два морских голыша в час прилива, – А ты не пробовал выучить человеческий язык? Я же просил – просто, своими словами. Чего ты мне устный протокол читаешь?

– Я и так просто, Пётр Семёнович... – обиженно бормотнул участковый и замолк.

– Нет Одинцов, ты не просто. А просто – вот как. Гришка Воронцов из ревности убил Славку Прохорова и захватил магазин вместе с женой и двумя заложниками, один из которых – ребёнок! Вот теперь – просто. Правильно? Говорить с ним пробовал?

– Пробовал, – скрывая обиду, четко отбил Сергей, – что только не говорил! Да невменяемый он! А после убийства совсем сбрендил.

– А точно известно, что этот грузчик Прохоров убит? – вставил фразу второй, в чине младшего лейтенанта.

– Точно, – развернулся к нему участковый, – он сам, Гришка, из окна крикнул. Да и выстрелов внутри не меньше двух было...

– Ясно, – помрачнел «старшой», – делать нечего. Будем пытаться достать его сами. В крайнем случае, придется звонить воякам. ЧП, твою мать!

– Суки!! Не возьмёте, суки!! Всех порешу! И себя порешу! Су-у-у-ки!!! – казалось, завопили сами стены магазина, поставив в конце этого вопля очередную точку в виде нового выстрела. На этот раз – в сторону милицейского «уазика».

– Выкурить бы его, придурка...

– А как? План магазина есть?

Присевшие за машиной старший лейтенант и два его подчинённых лихорадочно искали решение.

– Есть, – Участковый достал из планшета замызганный лист ватмана.

– Давай!

– Пропустите, да пропустите же! Чего встал, ирод? – заколыхало толпу, выплеснув вперёд маленького сухонького человечка в рясе, который, медленно и совершенно спокойно направился прямо к центральному входу в магазин, попадая в зону обстрела.

– Стой!! Куда?? С ума сошел?? – дёрнулся к нему «старлей». Побагровев до синевы, он повернулся к Одинцову и рявкнул:

– Это что ещё за самоубийца, Одинцов?

– Отец Пантелеймон. В миру – Рубен Кихана.

– Какая ещё Кихана?

– Фамилия у него такая – Кихана, – глаза участкового, не отрываясь, следили за медленно удаляющимся священником, – испанская. Его родители – из детей испанцев, которые в 37-ом вывозились в СССР, когда республиканцы боролись с фалангистами Франко. А Рубеном назвали в честь Рубена Ибаррури, лётчика-героя.

– Ну и? – уже с интересом поторопил рассказчика шеф. Он тоже внимательно наблюдал за попом, бесстрашно оста-

новившимся напротив окна.

– Остальное всё стандартно. Дед с бабой, родители его родителей, погибли. Многие дети испанцы вернулись, но многие и остались в СССР. Приняли православие. Женились на местных. В общем, осваивали вторую родину. Так вот, Отец Пантелеймон – и есть один из потомков этих испанских детей. Дон Кихот.

– Почему Дон Кихот?

Участковый, несмотря на накал ситуации, улыбнулся:

– Да это его так местный учитель литературы Звягинцев прозвал. Вроде, настоящая фамилия Дон Кихота, то ли, Кехада, то ли, Кихада была. Да и по характеру отец Пантелеймон – настоящий бессребреник. Всю жизнь для других живёт.

Звякнуло разбитое стекло, и в окно высунулся ствол карабина:

– Не подходи!! Я стреляю!! Не подходи!! – истошно завопили изнутри.

Послушно остановившись, отец Пантелеймон перекрестил направленное на него оружие и, успокоительно подняв одну руку вверх, прогудел:

– И сказано было: «Не делай зла, и тебя не постигнет зло. Удаляйся от неправды, и она уклонится от тебя. Сын мой! Не сей на бороздах неправды, и не будешь в семь раз более пожинать с них». Слышишь, Григорий?

– А ещё было сказано – «Око за око, а зуб за зуб»! С одним

уже расплатился. Осталось Галке должок вернуть! – ствол выписал угрожающую кривую.

– Гриша! «Не прилагай греха ко греху, ибо и за один не останешься ненаказанным». Христос говорил: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы, и какой мерою мерите, такую и вам будут мерить». Отпусти всех Гриша, и Господь отпустит тебе. А за то, что сделал – ответ держать будешь, но Господь милостив. Простит.

Ружьё в окне дрогнуло. Потом снова раздался отчаянно-звонящий голос Григория:

– Лишнего на себя не возьму! А Галка своё получит. Должна получить! А потом и я... В тюрьму не пойду! А теперь... уходи отец Пантелей, не доводи до греха!!

Внезапно массивная дверь подсобки приоткрылась, и из магазина вытолкнутые грубо прикладом и пинками, вылетели молодая, лет 35-ти, женщина и испуганная зарёванная девочка. Это были Елизавета Скольникова и ее дочь Наташа.

Миг – и толпа растворила их в себе, накрыв сочувственно-распахнутым гулом.

– Ай, молодец! Какой молодец этот ваш Дон Кихот! – не удержавшись и напроочь забыв о субординации, старший лейтенант в восторге хлопнул по плечу Сергея, – Панфилов! Звони в район! Сообща – большая часть заложников на свободе. Скажи – всё под контролем, понял?

– Понял, – лейтенант нырнул в «уазик» к рации.

Священник, немного постояв, вновь двинулся к крыльцу магазина. Дуло карабина мгновенно высунулось из окна. На этот раз оно не дрожало.

– Стой! Я же сказал тебе, не доводи до греха! Уходи лучше. Уходи, отец Пантелеймон! Слышишь?

Самым пугающим было то, что сейчас Воронцов говорил почти спокойно. Оперативники знали, что это значит, когда истерику сменяет подобное спокойствие. Ничего хорошего.

– Не могу, сын мой, – Сокрушённо развёл руками «Дон Кихот», – Сан не позволяет. Христос как говорил? «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Ибо я пришёл призвать не праведников, но грешников к покаянию». Ты заблудился в грехах своих как ребенок в лесу, вот я и пришел тебя вывести.

Раздавшийся смех, напоминал карканье простуженной вороны:

– Я лесник, отче! Я в лесу, как дома. Последний раз прошу – уходи!!

На улице воцарилась такая тишина, что стал слышен каждый шорох. Даже птицы замолкли как при наступлении грозы. И в этой тишине отчётливо прозвучал шепот «старлея»:

– Ждать нельзя! Сейчас по команде – ты, Одинцов, делаешь перебежку к окну и прячешься под ним. Ты, Панфилов, – влево, к служебному входу. Я – на прикрытии, если этот чудака на букву «м» начнёт палить! Задача ясна?

– Так точно! – почти синхронно прозвучало в ответ.

– Выполняйте! Да, и вот ещё..., – «старшой» нехотя дополнил, – если другого варианта не будет, стреляйте на поражение. Ответственность беру на себя, как командир группы. Приготовились... Раз, два, три! Пошли!

ЛАБОРАТОРИЯ **МОЛЕКУЛЯРНОЙ**
ТРАНСФОРМАЦИИ. 2744 год.

– Стас, что с маршрутом? – глава пространственного ориентирования во времени Артур Гаспарян нетерпеливо увеличил голограмму ведущего кэтчера группы «Карма» Лейникера.

– Линда говорит всё идет по плану. Опасности для «дрифтера» нет. Ты зря так переживаешь, Артур.

– Хорошо. Продолжайте. Удачи вам!

Гаспарян устало смежил веки и на мгновение отключился от бесконечного потока поступающих прогнозов. В конце концов, есть аналитики и кэтчеры. А решение по маршруту – он примет позже.

– Удачи всем нам, шеф! – квакнула четырёхмерная прозрачная голова Лейникера и голограмма погасла.

Плечо так больно поздоровалось с подоконником, что лейтенант Панфилов даже ругнулся сквозь плотно сжатые зубы: «Не рассчитал чуток. А, ерунда! Главное – я тут». Чуть повернув голову, он увидел метнувшуюся к двери подсобки тень Одинцова: «Молодец! Тоже на месте».

Всё было сделано быстро и точно, и будь преступником кто другой, а не Воронцов, успех был бы гарантирован,

но никакой манёвр, каким бы стремительным и слаженным не казался, не мог ускользнуть от натренированных на охоте, рысьих глаз лесника. Упустив возможность остановить врагов в форме, он переключился на врага в сутане, почему-то связав манёвр захвата, с фигурой стоящего открыто священника. В голову бросило кровью, и уже почти ничего не сообщая от ярости, он истошно заорал:

– А-а-а! Вот вы как?? А на!!

Два выстрела в отца Пантелеймона были произведены почти в упор. Толпа ахнула.

Повисшая за этим «ах» тишина улетела пороховым облачком, оставив священника на том же месте. Он был не только невредим, но даже не замедлил движения. Поднятая рука крестила потенциального убийцу, а чуть спутанная грива седеющих волос беззащитно подставлялась налетевшему ниоткуда холодному ветру.

– Чудо! Чудо! Господь явил руку свою! – истерический крик из толпы словно подстегнул группу захвата.

Профессионал тем и отличается от обычного человека, что работает почти на инстинктах. Не пытаясь ничего объяснять, Панфилов всем телом бросился на дверь, тогда как Одинцов вышибив ногой стекло, метнулся в сторону, чтобы занять более удобную позицию для стрельбы. В оконный проём была отлично видна цель, а палец уже мягко потянул собачку курка, и... здоровый рыжий котик, тупо ткнулся головой в сапог на уровне голени, подхалимски мурлыкая.

– Пошёл отсюда! Брысь, говорю! – момент для выстрела был упущен.

– Не стреляй! Не стреляй Саша!! Он сдаётся! – отец Пантелеймон метнулся к участковому, расправив крестом руки. Лесник отбросил в сторону карабин и опустился на колени.

– Сидеть! – сухо щёлкнули наручники.

Воронцов опустив голову, страшно по-мужски завыл.

– Ну чё, гад, доигрался? – лицо «старлея» было мстительно багровым, – повой, повой... Скоро еще не так завоюешь! Панфилов! Веди в машину. Да, позвони в район и скажи «отбой». Взяли голубчика. Одинцов! Проверь что с продавщицей и Прохоровым.

Он повернулся к священнику и медленно, очень медленно, произнёс:

– Не знаю я, уважаемый, есть Бог или нет, не в религиозной семье воспитывался, но в вашем случае – точно есть! Видел. А я привык верить своим глазам. Спасибо, отец!

– Верить или не верить – дело личное, – священник уступчиво наклонил голову, – Христос говорил: «Бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет». Благословляю тебя сын мой, будь справедлив и в помыслах честен.

Только сейчас стало заметно как он стар и немощен. Чуть пришаркивая, отец Пантелеймон повернул в сторону церкви и все деревенские, не только бабы, но и мужики, уважитель-

но кланялись ему вслед.

– Да..., вот тебе и Дон Кихот!

«Старлей» потёр ладонью лоб и хмыкнул.

В это время в окно высунулся радостный Одинцов.

– Товарищ старший лейтенант! Пётр Семёнович! – его довольная физиономия вернула «старшого» к реальности, – Живы! И Воронцова, и Прохоров!

– И Прохоров?!

– Так точно! И Прохоров!

Старший опять покачал головой:

– Дон Кихот..., м-да.

ЭПИЛОГ

Кабинет старшего лейтенанта Ерёменко был скучен как любое казённое помещение. Стол, два стула, засохший от за-талкиваемых в горшочек «бычков» цветок и непременный пузатый сейф. Истинным украшением милицейского ин-терьера была молодая женщина лет тридцати с небольшим. Она нервно перебирала пальцами платок, время от време-ни прикладывая его к заплаканным небесного цвета гла-зам. Ещё не отхлынувший после захвата, «старшой» иско-са поглядывал на жену Воронцова, нетерпеливо постукивая по столу карандашом. Исписанный лист с её показаниями, никуда не годился. Курам на смех. Но ничего исправлять она не хотела.

– Так когда, ты говоришь, заменила ему патроны на холостые?

– Вчера, – Галина ещё ниже опустила голову, – когда он стал орать, что всем покажет. Угрожал. Мне, детям. Взбесился! Вот я, от греха подальше, и выкинула боевые заряды. Как чуяла!

– Ну-ну...

Почувствовав в недоверие в ерёминском голосе, Галина резко подняла голову и неожиданно горячо выпалила:

– Товарищ начальник! Да он неплохой мужик! Шальной только! Афганец. Две медали имеет! Это он из-за меня! Любит сильно! Он ещё до свадьбы вытворял кренделя! И мама моя говорила: «Ой, Галка, всем ревнивцам ревнивец». А если я его любила? И сейчас люблю! Я ж...

– Подожди, подожди Галина! – примирительно поднялась милицейская ладонь, – Не адвокатствуй. Ты вот что проясни. Как с Прохоровым-то получилось?

Голова женщины снова поникла:

– А что с Прохоровым..., наговоры это. В деревне, сами знаете, языки как помело. Треплют, чего сами не знают.

– Я не об этом! Как жив он остался?

– Так что, – в её глазах засветилась усмешка, или это «старшому» только показалось, – Гришка когда в него стрельнул, он со страху за прилавок и завалился. Обгадился даже... А когда падал – черепушкой прямо в стеллаж и сунулся. Ну, где банки с маринадами. И сомлел. Гришка то со-

всем ошалелый был. Пальнул ещё раз и успокоился. Думал – зашиб. А когда вы приехали – он на вас всё внимание, а этот Прохоров – возьми и очнись. Бежать хотел. А я ему и говорю: «Лежи тихо! Не двигайся! Может и пронесёт. Увидит что живой, добьёт».

– Понятно, – кивнул «старлей», – тактическая уловка.

– Что?

– Это я так. Продолжай.

– А чего продолжать, – шмыгнула Воронцова распухшим носом, – дальше вы сами знаете.

Она помолчала и вдруг исступлённо забормотала:

– А что с Гришей теперь будет, товарищ начальник? Не убил же никого, не ограбил. Ну, шишка у Прохорова, так заживет! Может, не засудят, а?

– Я, Галина Сергеевна, не судья, – вздохнул Ерёменко, – адвоката хорошего нужно. Только хорошие – не дешёво стоят. Вот так то!

– Ну что ж, значит, так тому и быть! – насупилась женщина.

– Ты о чём это?

– А? – она вынырнула откуда-то глубоко из своих мыслей, – да я о быке. О Никаноре нашем.

– А бык тут причём? – удивлённо сморщил брови старший лейтенант.

– Бык? Продам. Вот и деньги на адвоката. Ревнивцем ревнивца выкупать придётся!

– Да, история... – не удержавшись, хмыкнул хозяин кабинета, – ну так иди, Галина! Вопросов больше не имею.

Он задумчиво посмотрел ей в спину и вдруг, вспомнил то, что хотел спросить с самого начала:

– Постой! И всё-таки... – в глазах светился неподдельный интерес, – почему ты именно вчера подменила патроны? Ты говорила, он и раньше буянил и угрожал. Но почему именно вчера?

Помедлив, она достала из сумки, висевшей на плече, маленькое карманное зеркало и положила на стол.

– Не знаю. Смеяться наверно будете. Смотрите. И ни с того, ни с сего. Очень плохая примета. Вот я и подумала...

Зеркало было покрыто сеточкой маленьких трещин.

– Ясно... – Ерёменко осторожно протянул ей кругляшок обратно, – кстати, отец Пантелеймон ваш, написал, что претензий к твоему мужу за стрельбу не имеет. И просил тебе передать, чтобы ты зашла к нему. Помочь тебе собирается. Поняла?

– Поняла. Кивнула она в ответ, – Спасибоочки!

Дверь хлопнула, а Ерёменко ещё несколько секунд смотрел ей вслед. Крякнул, почесал нос и повертев в руках листок с её показаниями, снова повторил:

– Да..., история. И даже с Дон Кихотом. Хоть романы пиши. Панфилов! Давай следующего!

ПОДАРОК

Осколок второй

1945 – 1984

Маленький немецкий городок Ансбах встречал первый послевоенный день, 10 мая 1945 года.

Пугая чудом переживших бомбёжки голубей, где-то весело, бесшабашно и очень по-русски играла гармошка. Ей вторил сипловатый простуженный хрип баяна, рвущий барабанные перепонки как незабетонированные доты. А если прислушаться ещё тщательнее, различались мелодичные отрывистые гитарные аккорды и стук деревянных ложек.

Победа!

С присвистом, с всхлипом, с пьяным удальством и слезами, Красная армия праздновала окончание тяжелейшей в истории человечества войны. Местные, кто не успел эвакуироваться, попрятались по подвалам полуразрушенных домов, в ужасе наблюдая за торжеством победителей. Они ждали худшего, а оно не приходило. И от этого становилось ещё страшнее. Вот они какие, эти русские! Что-то будет?

Возле одного из таких зданий, озабоченно фыркая, при тормозил военный «газик» с пятиконечной звездой на помятой осколками дверце. Старший лейтенант Андрей Попов,

начальственно восседавший на пассажирском сиденье как на троне, и сержант-водитель Антон Силантьев из разведроты одинаково резво крутили головами по сторонам, напоминая готовящихся пропеть утреннюю зарю кочетов. Они уже давно заблудились и искали глазами хоть кого-то из гражданских, чтобы разъяснить дорогу.

– Эй, дамочка! Тьфу, черт... Фрау! Ком! Ком битте! – Лейтенант, собрав в кучу всё своё познание вражеского языка, замахал рукой перебегавшей дорогу немолодой женщине, закутанной в платок по самые брови, – Гражданочка! Ау! (водителю) Силантьев, ты у нас сечёшь по-фрицевски, объясни мадам, что положено. И вежливо! Ферштеен?

– Не бойтесь нас, пожалуйста, – немецкий сержанта оказался более чем приличным, – мы едем в Дрезден, немного сбились с маршрута, не могли бы вы подсказать в каком он направлении?

Немка испуганным кроликом, шмыгнула пипкой носа:

– Да, да господин офицер, одну секундочку...

С иронией проследив, как осторожно, почти приседая от ужаса, она подходит, Попов, с картой в руках, выпрыгнул из «газика» чтобы ускорить дело. Вдруг, из ближайших развалин, ударил винтовочный выстрел. Очень сухо, как плеть щёлкнула. Лейтенантская фуражка, позабыв об уставе и своём важном назначении, легкомысленно подлетела в воздух, а её хозяин бросился на землю, выхватив командирский «ТТ».

– Вот гад! – это сержант плюхнулся рядом, передёрнув затвор автомата, – «Вервольфовец», наверно... Суки! Они тут два дня назад из миномета жарили по нашей санчасти!

Он достал гранату и примерился :

– Щас... Мы ему устроим фейерверк. Прикройте, товарищ старший лейтенант!

Силантьев, умело, как на учениях, метнул гранату в ту закопчённую часть развалин, откуда раздался предательский выстрел, и почти сразу же – вторую, немного левее, где щерилось разбитым стеклом, изгвазданное пулями, подвальное окно. Грохот получился что надо: почти треть стены обвалилась, напатав и без того задымленный воздух новым пылевым цунами.

Немного выждав, разведчики сделали бросок вперёд, на всякий случай приготовив ещё по гранате, как вдруг, из дымового облака материализовало паренька лет 14-15-ти в форме «гитлерюгенда», держащегося обеими руками за уши, из которых сочилась кровь. Он крутился на месте как бесноватый, оглохнув и ослепнув от боли в прямом и переносном смысле. Наконец, упав на колени, и всё также зажимая уши руками, он дико завыл как попавший в капкан волчонок.

– Ауфвидерзейн, подлюка...

Навидавшегося всякого за войну сержанта, почти ежедневно терявшего фронтовых друзей и оставившего под оккупацией родителей, милосердие давно зачислило в «безна-

дѣжные». Трофейный «шмайсер», равнодушно наполнив дуло смертельной слюной, готовился выплюнуть её металлические брызги на юного, но ненавистного с июня 41-го врага. Механизму было всё равно, немец не немец, он и был создан только для одной единственной цели – убивать. Но так уж устроен этот свет, что миг останавливает миг, а смерть, уже пресыщенная и оттого ленивая, вдруг спотыкается и уступает эстафету давней своей сопернице – жизни. Сейчас, этим мигом оказалась та самая, замотанная в платок, фрау, несчастная в своём исступлённом горе, размытом потерями и крахом её мира, казавшегося таким незыблемым. Презирая, а может и не замечая смертельного голода «шмайсера», она бросилась к подростку в форме «гитлерюгенда» и, закрыв его своим телом, начала жалобно кричать и умолять о чём-то. И палец Силантьева ослабил давление, понемногу отпуская курок.

– Чего она? Вместе с ним помереть хочет? – хмуро удивился Попов.

– Да вроде сын это её, товарищ старший лейтенант, – так же хмуро перетолмачил сержант, – просит не убивать. Говорит – последний из трёх сыновей остался. А мужа еще в 40-вом потеряла, во Франции. Что делать будем? Может, сдадим его «особистам»?

– Угу, – иронично выгнулась начальственная бровь, – тогда ему точно стенка... Ладно. Скажи ей – пусть забирает своего вояку. Прощаем в честь победы. Только если он ещё

повоевать захочет – тогда ему уже ни чёрт, ни дьявол не помогут! Шлёпнем – и все разговоры. Переводи!

Выслушав отличный, на настоящем «хох-дойче» перевод сержанта, немка, рыдая, подбитой птицей метнулась навстречу победителям и цепким кольцом обхватила пыльные, грязные, утратившие всякий лоск сапоги лейтенанта, то ли молясь им, то ли целуя. Жалкая, с безумными глазами, она лопотала и лопотала, доказывая этим страшным русским, а может быть Богу, как она благодарна, как она понимает их жертву, как она просит небо о том, что бы их добро вернулось им вдесятеро, стократно, тысячекратно.

Всё это случилось так стремительно, что поначалу оцепенев, а потом, отшатнувшись, мягко выдирая многострадальные сапоги из её пальцев, Попов почти в панике прокричал: – Гражданочка, гражданочка! Фрау! Силантьев, да оттащи ты её, чего встал!

Театра добавила группа шедших из бани солдат, с удовольствием прокомментировавших конфузную ситуацию: «А что, вот бы так сам Гитлер поползал, а Петрович? – Не..., он бы не успел. Яво, гада, черти в аду заждались».

Пыхтя и не стесняясь применить пару совсем небезопасных приёмов, сержанту удалось оторвать тётку от «старшего», обеспечив последнему почётное отступление к машине. Затем, прыгнув на водительское место, Силантьев с ходу газанул, пока ржавшие как мерины солдаты не запомнили их в лицо, и сердито сплюнув, буркнул:

– Чёрт! Узнали дорогу, называется...

– Трогай! – махнул рукой лейтенант.

И всё бы в дорогу, но вот же оказия! Эта сумасшедшая фрау, размахивая над головой каким-то свёртком, так упорно, на разрыве лёгких, бежала за ними, что послав все добрые дела к дьяволу, Попов мрачно скомандовал:

– Тормозни. А то до Москвы за нами бежать будет.

Раскрасневшаяся, с размотанным от бега платком, немка оказалась совсем не старой. В её светло-пепельных волосах начисто отсутствовала седина, а глаза, утратившие трагическую безумность, сияли счастливыми звёздочками. Довольная, что они остановились, не уехали, она всё также многословно лопоча, протянула лейтенанту тот самый свёрток, который и был целью погони.

– Чего это она, а? Силантьев? Может взорвать нас решила к такой-то матери? Доделать работу за сыночка? – неуклюже, но и с ноткой настороженности, сыронизировал «старшой».

Силантьев пожал плечами, но свёрток принял аккуратно, стараясь лишний раз не встряхивать. Поняв, что русские чего-то опасаются, немка быстро размотала узелок и развернула тряпку. Солнечный свет радостно отразился на поверхности очень красивого, настольного зеркала в богато инкрустированной раме. Даже не специалист, глянув на эту рамку, сразу бы понял, что это очень древняя работа. Литые веточки деревьев были так искусно вырезаны, что казались живыми, а птицы поющие в их глубине, каждая в отдельности

и все вместе — были настоящим шедевром ручной работы.

Удовлетворённо прочитав восторг на лицах военных, немка быстро быстро начала что-то горячо втолковывать, обращаясь преимущественно к сержанту, но поглядывая на Попова, которому и предназначался её дар.

— Чего она колготет? — лейтенант потрогал дырку от пули чуть выше кокарды.

— Да подарок вам, говорит. Один из ее предков ещё во времена Столетней войны отвоевал. Рыцарский трофей как бы... семейная реликвия. Всю жизнь в их роду хранилась, передавалась по женской линии.

— Вот пусть и дальше хранит, — Попов с сожалением бросил испорченную фуражку на заднее сидение, — Раз реликвия. Мне куда с ним? Вот дожил, фрицы уже подарки делают!

На попытку сержанта вернуть ей зеркало, женщина, решительно спрятав руки за спину, выдала такую долгую тираду, что старший лейтенант даже изумился, как в такое короткое время можно уложить столько единиц лексического запаса.

— Переводи!

— Говорит, если господин офицер не хочет принять подарок, то может его разбить или выбросить. Только это не простое зеркало, оно сохранит род господина офицера, как господин офицер сохранил жизнь ее сына. Чуть конечно, но она так говорит.

— Ладно... — пробитая фуражка каким то неведомым об-

разом, вновь оказалась на голове «старшого», – скажи ей спасибо, Силантьев, и покажи карту – может мы, всё-таки, узнаем дорогу?

С картой разобрались в минуту. Немка почти сразу нашла ошибку и ткнула в то место, где они проскочили нужный поворот на Дрезден.

– Порядок, товарищ старший лейтенант! Можно ехать! – Силантьев молодежато присвистнул, похлопав ладонью по рулю.

– Можно, так поехали. И так уже торчим здесь больше часа, – Попов осторожно завернул зеркало в тряпку и положил рядом с собой на сиденье, показывая немке, что он принимает её подарок, – Данке шон, ауфвидерзейн!

– Ауфвидерзейн! – ответила она и добавила что-то ещё.

«Газик» уверенно рванул с места, навсегда покидая эти края. Попов молчал. Руки сами развернули материю, и зеркало приветливо подмигнуло солнечным зайчиком.

– Чего она еще сказала, Силантьев?

– Сказала – храни вас Бог, господин офицер!

Лейтенант хмыкнул. Машина быстро удалялась все дальше и дальше, превращая весь мир в точку.

Лето 1984-го выдалось на редкость тёплым. Не жарким, не уныло прохладным, с частой перебивкой дождей, а именно тёплым и осторожно ласковым. Рязань по-матерински прижала его к груди из развесистых парковых алей, жадно

подставляя каменные щёки домов поцелуям солнца. Дворы спальных районов до самой темноты транслировали какофонию счастья, замешанную на голосах детей и птичьим щебете. Тишина испуганной монашкой укрылась за неприступными развалами старой крепости на вершине Ясносельского холма, помнившего ещё нашествие Батыя. Да, редко бывает такое чудесное лето!

Так думали все – и взрослые и дети, живущие в обычном рязанском дворе по Проспекту Коммунаров, и даже коты, полеживая кто на балконе, а кто просто на ветке дерева. Они снисходительно сверху вниз смотрели на своих вековых врагов – собак, которые трусили за хозяевами, добродушно погавкивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.